

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

Публикацией совместной статьи Ю.А. Виноградова, К.К. Марченко и Е.Я. Рогова, а также статьи Ю.Г. Виноградова «Вестник древней истории» начинается научную дискуссию по проблемам эллинизма и эллинских традиций в эпоху Римской империи. Редакция видит свою задачу в том, чтобы этой дискуссией продолжить обмен мнениями по различным проблемам эллинизма в его классическом понимании и особенно в так называемую «пост-эллинистическую» эпоху, т.е. в первые века н.э. Предполагается рассмотреть вопросы социально-экономической, политической и культурной истории стран Средиземноморья, Причерноморья и Средней Азии в IV в. до н.э.–III в. н.э. Редакция предлагает всем заинтересованным специалистам принять участие в обсуждении этих проблем на страницах журнала.

© 1997 г.

САРМАТЫ И ГИБЕЛЬ «ВЕЛИКОЙ СКИФИИ»

Конец первой–начало второй трети III в. до н.э. были ознаменованы трансформацией всей системы греко-варварских взаимодействий в Северном Причерноморье. Внезапное и едва ли не одновременное прекращение существования подавляющего большинства стационарных сельских поселений эллинов и туземцев подорвало экономическую основу существования местных эллинских государственных образований, предопределив тем самым бурный рост кризисных явлений, охвативших вскоре все основные стороны жизнедеятельности греческих государств¹.

В современной историографии существуют три различные точки зрения, объясняющие причины всеобъемлющих по масштабам событий первой трети III в. до н.э. Первая из них связывает данный феномен с продвижением из-за Дона в Причерноморье новых волн кочевников – сарматов, уничтоживших в процессе своей экспансии «Великую Скифию и установивших здесь свое политическое господство»². Согласно второй модели, начавшаяся в III в. до н.э. аридизация степной зоны региона вызвала принципиальные изменения в направленности хозяйственной деятельности, а также в географии расселения скифов³. Наконец, третья точка зрения объясняет происшедшее опустошительными рейдами из района Карпато-Дунайского бассейна военных отрядов кельтов или германцев – галатов, упоминаемых в декрете в честь Протогена⁴. Рассмотрим все три точки зрения.

¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 188 сл.

² См., например: Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на территории эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 361 сл.

³ См., например: Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 28–31; Полін С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992; Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989; ср. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96.

⁴ См., например: Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. // ВДИ. 1985. № 1. С. 43–44; он же. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 19; Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 274 сл.

Основная слабость последней позиции состоит в локальном подходе к объяснению процессов, охвативших буквально всю территорию Северного Причерноморья, а не только Нижнее Побужье и Поднестровье. Более того, есть некоторые основания считать, что в самых различных частях этого обширного региона от Днестра и до Дона одинаковыми оказались не только конкретные проявления и направленность действия дестабилизирующих факторов, но и их хронология. Гибель укрепленных и неукрепленных эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья и окрестностей Ольвии в 70–60-е годы III в. до н.э.⁵ создает впечатление одновременности проведения масштабной военной акции, что вряд ли было под силу кельтам или германцам Прикарпатья. Таким образом, не отвергая в принципе возможность участия кельтов (германцев) в военных столкновениях, развернувшихся в конце первой–начале второй трети III в. до н.э. на территории Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья, все же приходится признать, что не они являлись основным дестабилизирующим фактором в Северном Причерноморье.

Между тем и вторая точка зрения, ставящая серьезное ухудшение греко-варварских отношений в Северном Причерноморье в прямую связь с крупномасштабным усыханием степной зоны этого региона, тоже имеет существенные изъяны. Судя по данным исследователей, какое-то изменение климата действительно имело место в эллинистический период. Однако все еще нет ясности в вопросе о времени начала этого явления⁶. При этом важно заметить и то, что как бы мы теперь не датировали начало глобального изменения климата, следует учитывать, что такие перемены вплоть до достижения климатического оптимума имели достаточно длительный период своего накопления. До некоторой степени растянутым во времени должны были оказаться и нарастание негативных последствий аридизации степной зоны Северного Причерноморья. Вместе с тем существующие на настоящий момент археологические материалы рисуют совершенно иную картину развития событий. Речь скорее всего должна идти о единовременной, резкой и к том уже практически повсеместной гибели подавляющего большинства сельских поселений эллинов и туземцев этого региона. Заметим также, что в канун столь кардинальных перемен, а именно на протяжении всей первой трети III в. до н.э., жизнь и хозяйственная деятельность на всех этих поселениях, начиная от дельты Дона и кончая Поднестровьем, по всей видимости, достигает наивысшего расцвета. Такое положение дел, на наш взгляд, никак не может свидетельствовать о сколько-нибудь далеко зашедшем иссушении степных, а тем более прибрежных районов Северного Понта.

Перейдем к рассмотрению точки зрения, объясняющей запустение Скифии в конце первой–начале второй трети III в. до н.э. появлением с востока новых кочевых орд сарматов. Напомним, что она, как кажется, находит свое подтверждение в независимых свидетельствах античной литературной традиции⁷. Со стороны же археологических источников, решение этого вопроса наталкивается на вполне определенные трудности. Дело в том, что реальные следы освоения сарматами степных районов к западу от Дона относятся ко времени не ранее второй четверти II в. до н.э.⁸ Окон-

⁵ *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128; *он же.* О греко-варварских взаимодействиях... С. 192; *Доманский Я.В., Марченко К.К.* Поселение Ольвийской хоры Козырка II // АСГЭ. 1980. № 21. С. 38; *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской конф. Симферополь, 1988. С. 207; *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 137.

⁶ Ср., например: *Бучинский И.Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963. С. 59; *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (ландшафт и этнос) // ВЛУ. 1966. № 6. Сер. геологии и географии. Вып. 1; *Иевлев.* Ук. соч.

⁷ *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам письменных источников // АСГЭ. 1971. № 13. С. 44–54; *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 7–10.

⁸ *Полин.* От Скифии к Сарматии. С. 124–146: Приложение 1.

чательное же закрепление этих кочевников в Нижнем Поднепровье и на границах Ольвийского государства происходит и того позже – лишь в конце II–начале I в. до н.э.⁹ И только к самому началу I в. до н.э., может быть отнесено проникновение сарматских племен в степное междуречье Южного Буга и Дуная¹⁰. Таким образом, создается впечатление, что между предполагаемой крупномасштабной военной операцией пришлых номадов, проведенной в конце первой–начале второй трети III в. до н.э., и их действительным перемещением на новые территории прошел необъяснимо большой промежуток времени. Это обстоятельство, по-видимому, и заставляет исследователей сомневаться в возможности прямой увязки этих событий. На поверку как бы оказывается, что сарматы не имели прямого отношения к распаду «Великой Скифии». Остановимся на этом вопросе подробнее.

Начать, по всей видимости, следует с определения времени появления самых первых признаков реальной военной угрозы Скифии, исходящей от ее восточных соседей. При этом, как кажется, наиболее действенным инструментом анализа событий должны стать прежде всего материалы одного из крупнейших памятников туземной культуры степной зоны Северного Причерноморья – так называемого Елизаветовского городища на Дону. Такой выбор имеет вполне определенные резоны.

В настоящий момент есть все основания полагать, что не позднее середины IV в. до н.э. Елизаветовское городище фактически стало выполнять функции хозяйственного, культурного, административного и, вероятно, религиозного центра весьма обширного района Нижнего Подонья и Северно-Восточного Приазовья¹¹. Пограничное положение памятника – на стыке трех крупнейших этнических массивов: скифского, савроматского (сарматского) и меотского, а также непосредственная близость эллинских городов Боспорского государства делали это поселение главным и, пожалуй, единственным центром оптовой «международной», а также межплеменной торговли всей юго-восточной части Геродотовой Скифии¹². Таким образом, необходимо считаться с существованием прямой и скорее всего неразрывной связи исторических судеб этого центра и контролируемого им района.

Как ныне установлено, в истории Елизаветовского городища могут быть выделены, по меньшей мере, четыре отдельных этапа, так или иначе связанные с различными сторонами жизнедеятельности всего населения Нижнего Подонья и его взаимоотношениями с жителями соседних областей и греками Боспора¹³.

Не приходится сомневаться в том, что на протяжении всего V в. до н.э. и первой половины следующего столетия развитие местного населения протекало без видимых серьезных осложнений со стороны внешних сил. Создается полное впечатление, что обитатели дельты не имели себе достойных противников в среде варварского окружения и полностью контролировали обстановку в Нижнем Подонье. Об этом прямо свидетельствует отсутствие у Елизаветовского поселения указанного времени каких-либо искусственно созданных рубежей обороны. Лишь в середине IV в. до н.э. селище впервые окружается сразу двумя мощными линиями укреплений. Данное обстоятельство со всей очевидностью указывает на ухудшение внешнеполитической

⁹ Там же. С. 15; *Симоненко А.В.* Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

¹⁰ *Дзиговский А.Н.* Периодизация сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.

¹¹ *Брашинский И.Б., Марченко К.К.* Елизаветовское городище – поселение городского типа // СА. 1980. № 1.

¹² *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980; *он же.* Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984.

¹³ *Ср. он же.* Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону – Северо-Восточном Приазовье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983; *Марченко К.К.* Основные этапы истории Елизаветовского городища на Дону // Там же.

обстановки в Северо-Восточном Приазовье – появление реальной военной угрозы его населению, исходящей со стороны соседей. Особенно ярким показателем существования военной угрозы, а может быть, и ее реализации на практике является факт разрушения наиболее ранних укреплений Елизаветовского городища не позднее третьей четверти IV в. до н.э., т.е. вскоре после своего создания¹⁴. Это знаменательное событие не может быть объяснено внутренними потребностями развития самого поселения, например, расширением его площади. Оно, скорее, указывает на иное – временную потерю жителями дельты Дона своей политической независимости.

Сколько долго Елизаветовское поселение оставалось лишенным фортификационных сооружений, неясно. Этот отрезок времени был весьма непродолжительным, во всяком случае вторая половина–конец IV в. до н.э. ознаменовались созданием новых, еще более надежных рубежей обороны, просуществовавших на этот раз до прекращения функционирования самого центра¹⁵.

Какие, однако, силы оказались способными вызвать такую глубокую дестабилизацию военно-политической обстановки на интересующей нас в данный момент окраине Геродотовой Скифии? В первом приближении в их числе, как кажется, логичнее всего выделить сразу две – Боспорское царство и одну из первых кочевых орд сарматов.

Впрочем, что касается Боспора – единственного среди греческих государств Причерноморья, обладавшего достаточной мощью для проведения масштабной военной акции, то такой вариант решения вопроса, если и не невероятен, то все же наименее оправдан. Против него свидетельствуют прежде всего материалы самого Елизаветовского городища, прямо указывающие на непрерывно возрастающие во времени контакты боспорских купцов с местными жителями, а также факт нахождения на территории памятника торговых лавок самих греков, функционировавших здесь как раз в середине IV в. до н.э.¹⁶, но особенно – выведение в дельту Дона во второй половине этого же столетия небольшой боспорской колонии – своего рода отдельного «квартала», инкорпорированного в структуру крупного варварского поселения¹⁷.

Другое дело – сарматы (савроматы). Археологические данные позволяют считать, что во второй половине IV в. до н.э. эти номады прочно закрепились вблизи скифских кочевий. Об этом вполне определенно говорит появление здесь, в степных районах Подонья, Калмыкии, Прикубанья и в Центральном Предкавказье первой серии погребальных комплексов новых пришельцев с востока¹⁸. Важно заметить, что внедрение самой ранней волны сарматов на новые территории заметно дестабилизировало военно-политическую обстановку в Прикубанье и Центральном Предкавказье, что выразилось в строительстве на стационарных поселени-

¹⁴ Марченко К.К. Основные этапы... С. 62; Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 71.

¹⁵ Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // СА. 1974. № 2. С. 256.

¹⁶ Брашинский И.Б., Марченко К.К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. 1978. № 2. С. 207–214; Марченко К.К. Елизаветовское городище... С. 213; Житников В.Г., Марченко К.К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. 1984. № 3. С. 167 сл.

¹⁷ Марченко К.К. Боспорские поселения... С. 130–133.

¹⁸ См., например: Железчиков Б.Ф. Степи Евразии и савромато-сарматы Нижнего Поволжья–Дона в VII–III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 38; Максименко В.Е. О савроматской этнической принадлежности язоматов и языгов // Там же. С. 42; Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 33; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы Прикубанья // Там же. С. 42–43; Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э.–III в. н.э. (По материалам курганных некрополей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 7–8; ср. Десятчиков. Ук. соч. С. 6–7.

ях местных жителей фортификационных сооружений, а в отдельных случаях и в гибели этих поселений¹⁹.

Аналогичная ситуация возникает, по всей видимости, и на восточной границе Скифии, в Нижнем Подонье – одном из наиболее удобных районов для зимовки кочевников. Но дело, разумеется, не только или, точнее, не столько в привлекательности данного конкретного района для сарматов. Гораздо важнее другое – скифские племена являлись по существу единственным и до поры до времени, надо думать, все еще достаточно серьезным препятствием на пути установления пришельцами своей гегемонии в степном коридоре Северного Причерноморья. Именно это последнее обстоятельство делало вчерашних повелителей и очередных претендентов на роль хозяев региона непримиримыми врагами. И именно это же обстоятельство неизбежно заставляло более слабую из вступивших в противоборство сторон – в данном случае частично осевших и в силу этого во многом уже утративших свою былую мобильность скифов – по возможности искать разрешения смертельно опасного конфликта в переселении на более отдаленные и соответственно более безопасные территории.

Одно из самых крупных предприятий такого рода, по-видимому, относится еще к началу появления первых сарматских зимовий в районе Северного Кавказа и времени строительства ранних оборонительных сооружений Елизаветовского городища на Дону, т.е. к середине IV в. до н.э.²⁰ Речь идет о переселении большой орды во главе с Атеем, знаменитым соперником Филиппа Македонского, на запад в Добруджу (Just. IX. 2; Strabo. VI. 3. 18; Luc. Makrob. 10; Front. Strat. II. 8. 14). Результат этой неудачно завершившейся операции хорошо известен. Существеннее, пожалуй, то, что с этого времени города Левого Понта частично вновь оказываются включенными в сферы военно-политического воздействия северопричерноморских номадов. Будучи тесными со всех сторон местными племенами, в числе которых древние авторы отдельно упоминают трибаллов и истриан (Just. IX. 2; Front. Strat. II. 4. 20), скифы Атея, по всей видимости, вынуждены были пойти на особые, ранее – т.е. в V и первой половине IV в. до н.э. – явно не свойственные им формы отношений с эллинистическими центрами. Греческие города в сложившихся условиях приходилось рассматривать не только в качестве привычного источника поступления регулярного трибута, но, прежде всего, как вполне возможных, хотя, разумеется, и неравноправных, союзников в борьбе за сохранение скифской гегемонии.

Еще более очевидной представляется заинтересованность в союзе с Атеем самих эллинов Добруджи, нуждавшихся после распада фракийского царства Одрисов в быстрой стабилизации обстановки в районе, но главное – в приобретении заступничества перед лицом агрессивных устремлений Филиппа II. Выбор заключался в следующем: либо оставаться один на один с грозным правителем Македонии, что почти наверняка должно было привести к разгрому и полной утрате политического суверенитета, либо номинально признать сюзеренитет скифов и выплачивать им дань, но при этом фактически сохранить свою независимость. Судя по выпуску серебряных монет с именем Атея в Каллатии, предпочтение было отдано второму варианту²¹.

Борьба за Добруджу, как известно, завершилась в 339 г. до н.э. победой Филиппа II. С этого момента судьба скифских племен была в значительной степени предопределена. Непреодолимое препятствие на западе в лице Македонии поставило «Великую Скифию» перед необходимостью сосредоточить теперь большую часть своих усилий на отражении сарматской угрозы.

¹⁹ Березин, Виноградов. Ук. соч. С. 33; Ждановский, Марченко. Ук. соч. С. 47–48; Марченко И.И. Ук. соч. С. 13.

²⁰ Ср. Мачинский // Археология Старого и Нового Света. 1966. С. 52; Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. № 28. С. 39.

²¹ О существующих у современных специалистов различиях в оценке факта чеканки монет Атея и других скифских владетелей см. Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 231–238.

Археологические материалы второй половины IV в. явно свидетельствуют в пользу заметного нарастания военно-политической напряженности в степной зоне региона. Первое, на что следует обратить внимание в связи с этим, – появление дополнительных фортификационных сооружений у Елизаветовского городища на Дону, значительно усиливших обороноспособность этого центра. Не менее показательным в этом отношении является и смещение к западу, т.е. в глубь Скифии, ареала «царских» курганов, скорее всего указывающее на сокращение надежно контролируемой номадами территории степей²². Наиболее примечательным, однако, оказывается факт довольно быстрого перехода кочевой знати от преимущественно потребительских и, очевидно, не всегда лояльных отношений к главным образом мирным и даже дружеским связям с большинством греческих полисов.

Усиливающееся давление с востока создавало, по всей видимости, дополнительные стимулы для более быстрого сближения интересов греков и варваров. Судя по данным письменных источников, в это время скифская аристократия и греческие полисы Северного Причерноморья начинают выступать как естественные союзники за сохранение status quo в регионе. Таковыми, как представляется, были их действия по отражению агрессии Зопириона в 331 г. до н.э., таковыми же, очевидно, были их действия и во время междоусобной борьбы на Боспоре в 310/309 г. до н.э. В последнем случае скифы как раз выступили на стороне законного претендента на престол Перисада – его старшего сына Сатира, в то время как восставший против своих братьев Евмел был, по всей видимости, решительно поддержан сарматским (савроматским) племенем сираков²³. За возникшей таким образом коллизией отчетливо угадывается бескомпромиссная борьба двух наиболее могущественных группировок местного населения²⁴.

Не случайно, что именно победа Евмела, обязанного своим воцарением сарматам, и устроенное им сразу же избиение сторонников Притана, а следовательно, и скифской аристократии, стали одним из поворотных пунктов в истории греко-варварских отношений в Северном Причерноморье. Отныне Боспор в отношении местных племен ищет опору не в союзе со скифами, а в союзе с сарматами²⁵.

Результаты столь очевидного ослабления военно-политического положения скифов вскоре не замедлили сказаться. Не позднее рубежа IV–III вв. или в самом начале III в. до н.э. сарматы, судя по всей совокупности данных, наносят окончательный удар по «Великой Скифии» Наиболее чувствительным индикатором этого события вновь оказывается Елизаветовское городище на Дону. Население на этот раз даже не

²² Алексеев. Ук. соч. С. 39.

²³ См. Десятчиков. Процесс сарматизации... С. 7–8; Виноградов Ю.А. Историческая ситуация на Боспоре в конце IV–начале III в. до н.э. (Опыт реконструкции) // Проблемы античной истории и классической филологии. Тез. докл. конф. Харьков, 1980; он же. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 14.

²⁴ Виноградов Ю.А. Историческая ситуация...

²⁵ Он же. Особенности... С. 14; ср. Десятчиков. Ук. соч. С. 11 сл. Очень показательные в этом отношении изменения демонстрируют курганы варварской знати, расположенные в районе Боспора Киммерийского. Традиция их возведения, как известно, сложилась в первой половине V в. до н.э., что, с одной стороны, наглядно характеризует важное отличие Боспора от других греческих центров Северного Причерноморья в плане развития греко-варварских связей, а с другой, – позволяет изучать эти связи, так сказать, на самом высоком уровне (Виноградов Ю.А. О курганах варварской знати V–III вв. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 40–42). Любопытно, что начиная с конца IV в. до н.э. курганы местной элиты в основном стали насыпаться в азиатской части Боспора (Зеленский курган, комплексы Васюринской горы, Буерова могила и др.), при этом, сохраняя некоторые особенности погребального обряда синдо-меотской племенной аристократии, они содержат и ряд новых, явно сарматских черт; на европейской же стороне к этому времени относится единственный комплекс – Ак-Бурун, но и он в культурном отношении тяготеет отнюдь не к скифскому, а к меото-сарматскому миру (Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875) // Там же. С. 38 сл.).

пытается оказывать сопротивление противнику, а просто покидает обжитое место²⁶. Практически одновременно, как известно, в степной зоне исчезают так называемые «царские» курганы знати и прекращают использоваться старые родовые кладбища номадов²⁷.

Вместе с тем важно отметить, что сарматское нападение этого времени было направлено своим острием именно против скифов и отнюдь не преследовало, как кажется, цели разорения эллинов и тесно связанных с ними варваров. Об этом прямо свидетельствует неопровержимый факт продолжения вполне благополучного функционирования подавляющего большинства сельскохозяйственных поселений европейской части Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Побужья и Поднепровья. Более того, создается полное впечатление, что как раз после исчезновения с политической арены вчерашних соседей в лице скифской кочевой элиты строительная и хозяйственная деятельность жителей этих, кстати сказать, большей частью не укрепленных поселений, достигает своего максимума.

Такое странное и на первый взгляд трудно объяснимое поведение сарматов должно иметь, по всей видимости, свои достаточно серьезные основания. Нельзя исключать, к примеру, что сама по себе определенная заданность удара и связанные с его осуществлением военные действия захватили сравнительно небольшой отрезок степного коридора Северного Причерноморья в восточной части «Великой Скифии», и после выполнения своей главной задачи ослабленные сарматы сразу же ушли восвояси. Немаловажным фактором лояльного отношения к эллинам в этот период могло, вероятно, стать и установление тесных союзнических отношений сарматской аристократии с боспорскими правителями, возникших после захвата власти Евмелом²⁸. Наиболее ярким подтверждением сказанному является факт основания Боспором своей новой колонии в начале III в. до н.э. в одном из недавно наименее стабильных, а ныне, вполне вероятно, уже находившемся под действенным контролем сарматов районе – дельте Дона²⁹.

Анализ материалов показывает, что время, прошедшее с момента насильственного прекращения существования поселения скифов и его греческого «квартала» и до возникновения здесь второго, на этот раз гораздо более крупного выселка боспорян, по всей видимости, было минимальным.

Среди причин, побуждающих боспорян в столь тревожное время возобновить свое присутствие в Нижнем Подонье, на первое место, как кажется, следует поставить сам факт полного прекращения функционирования Елизаветовского торгового центра, до тех пор вполне удовлетворявшего все потребности эллинов в различных видах местной продукции. То обстоятельство, с какой быстротой отреагировал Боспор на исчезновение своего традиционного партнера в дельте и приступил к выводу сюда своей собственной колонии, лишь еще раз подчеркивает его крайнюю заинтересованность. Однако столь же очевидным, пожалуй, является и другое – существование достаточно твердых гарантий благополучного исхода этой рискованной акции со стороны недавних победителей хозяев Дона – сарматов.

Как бы то ни было, но, судя по всему, боспоряне устроились на только что покинутом его обитателями поселении скифов надолго и основательно. Как установлено, буквально все из ныне изученных комплексов нового боспорского выселка в дельте были возведены одновременно и, очевидно, по заранее разработанному плану. Судя по имеющимся данным, все дома греческого поселения принадлежали к типу наземных построек на каменных цоколях с сырцовыми стенами, что, безусловно, требовало значительных затрат труда по организации транспортировки дефицитного в условиях речной дельты строительного материала. Наконец, привлекает к себе внимание и то немаловажное обстоятельство, что греки вместе со строительством всех этих

²⁶ Брашинский, Марченко. Строительные комплексы... С. 221.

²⁷ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 33 сл.

²⁸ Виноградов Ю.А. Историческая ситуация...; он же. Особенности... С. 14.

²⁹ Марченко К.К. Боспорские поселения... С. 133 сл.

долговременных домов не только не начали сооружение новых оборонительных линий вокруг своей колонии, но, по всей видимости, даже не стали сколь-либо значительно укреплять и старые, возведенные туземцами. Словом, весь облик боспорского выселка начала III в. до н.э. на территории только что оставленного варварами Елизаветовского городища создает полное впечатление уверенности его обитателей в своей дальнейшей судьбе.

Вместе с тем, говоря о существовании с конца IV в. до н.э. достаточно близких отношений Боспора с сарматскими племенами Прикубанья и той выгоде, которую эти отношения, вполне вероятно, принесли боспорцам, нельзя не предполагать уже априорно, что она в целом вряд ли могла полностью компенсировать грекам утрату их прежнего естественного защитника и партнера в коммерческих предприятиях в лице «Великой Скифии», до недавнего времени способной надежно контролировать военно-политическую ситуацию в степной зоне Причерноморья. Особенно велики оказались потери для эллинских центров северо-западной части Понта.

Впрочем, сначала для последних, по-видимому, должна была последовать полоса даже некоторого улучшения экономического положения, поскольку под их боком уже не было могущественного и, скорее всего, достаточно привередливого соседа, требующего к себе постоянного внимания и заботы. Именно это обстоятельство, вероятно, тогда же привело к изменению системы культурных и хозяйственных связей Ольвии с варварами хинтерланда и вызвало заметное усиление жизнедеятельности на многочисленных аграрных поселениях Нижнего Побужья и Поднестровья. Однако по прошествии весьма непродолжительного времени для местных греков со все большей очевидностью стали раскрываться и отрицательные стороны столь радикального изменения демографической ситуации в регионе, связанные с отсутствием сильного союзника, в равной мере озабоченного сохранением стабильного положения в названных районах.

Складывается впечатление, что очень скоро на место прежних властителей степей появился новый, возможно, изначально даже более жесткий, нежели скифы, хозяин – их победители сарматы. Такое предположение возникает хотя бы на том основании, что сарматы к этому времени прошли значительно менее длительный путь тесного общения с передовой греческой культурой и, следовательно, в гораздо меньшей степени подверглись ее воздействию. К тому же после разгрома скифов они, по всей видимости, уже не нуждались в поддержке греков, во всяком случае относительно небольших и к тому же достаточно удаленных от районов их основных кочевий эллинских полисов северо-западной части Понта. В силу этого их подход к этим центрам мог быть построен и на более грубом, в сравнении с Боспором, преимущественно силовом давлении с целью получения трибута. Одно из наиболее ярких свидетельств именно такого развития событий уже во второй половине III в. до н.э. содержит ольвийский декрет в честь Протогена, в котором, в частности, сообщается (IOSPE. I². 32A. 11, 34, 42–45, 84–92) о некоем, скорее всего, сарматском царе саев Саитафарне и скептухах, требовавших у эллинов под угрозой военного нападения богатых, подчас просто непосильных даров³⁰.

Но дело, разумеется, не только в этом. Развал «Великой Скифии» по существу оставлял греческие полисы Северо-Западного Причерноморья один на один с их потенциальными или реальными противниками, например, теми же галатами и скирами Протогеновского декрета. При появлении опасности с запада приходилось в основном уже рассчитывать только на свои собственные силы. Обосновавшаяся в плодородных степях Северного Кавказа сарматская элита явно не могла быть кровно заинтересованной в защите греков. Ее основные кочевья в данном случае не подвергались прямому нападению неприятеля. Более того, нельзя исключить и того, что восточные номады до поры до времени вообще не были сколь-либо глубоко обеспокоены такого

³⁰ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 67 сл.; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 184.

рода событиями, происходившими так далеко на западе от их постоянных зимовий, и в свою очередь рассматривали этот район главным образом как один из источников своего прямого обогащения.

Вернемся, однако, к исходному пункту нашей интерпретации событий конца первой–начала второй трети III в. до н.э. Есть достаточные основания полагать, что именно в это время сарматы нанесли свой очередной, на этот раз всеокрушающий удар, направленный теперь уже против оседлого населения Северного Причерноморья. В результате его практически одновременно гибнет подавляющее большинство торговых, ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров не только низовий Дона, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья, но и Европейского Боспора. Данная катастрофа вполне может быть связана «с тем тотальным опустошением Скифии, о котором сообщает Диодор (II. 43), когда сарматы, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»³¹.

Можно полагать, что удар по оседлому населению Северного Причерноморья был нанесен либо из глубинных районов степей Волго–Донского междуречья новой волной сарматских орд, носителей так называемой прохоровской культуры, либо сарматами Прикубанья. Во всяком случае нельзя исключить возникновение фатального разрыва прежних добрососедских отношений между сарматами Прикубанья и Боспором, за которым неотвратимо должно было последовать военное нападение номадов на своих прежних союзников. На возможность утраты Боспором контроля над военно-политической ситуацией в Прикубанье еще в первой четверти III в. до н.э. указывает отсутствие в титулатуре Спартока IV упоминания о подчинении ему местных племен синдов, меотов и фатеев, обязательное в предыдущем столетии³².

Впрочем, судя по отсутствию надежных материальных следов постоянного пребывания сколько-либо значительных групп кочевников к западу от Дона в течение всего III в. до н.э., скорее всего это был один из самых мощных, но далеко не последних из стремительных набегов сарматов, на долгие годы превративших большинство районов Северного Причерноморья в зону постоянных конфликтов, грабежей и военных столкновений. Само же реальное освоение сарматами запустевших к тому времени степных пастбищ региона последовало, как уже говорилось, значительно позже – примерно с середины II в. до н.э.

Очень показательны памятники степной зоны интересующего нас времени – так называемые клады, в состав которых, в частности, входят фалары (например, Федуловский, Старобельский, Янчокракский и др.)³³. В основном они концентрируются на Дону. Наиболее ранний из них, Федуловский, как будто датируется концом III–II в. до н.э.³⁴ «Появление и распространение в Причерноморских степях этого любопытного пласта древностей вполне обосновано и, на наш взгляд, связывается с общим процессом этнополитической истории региона, прежде всего, с продвижением на запад сарматских племен»³⁵. Вероятно, следует согласиться со специалистами по сарматской археологии и признать, что значительная часть фаларов датируется уже II–I вв. до н.э., однако совсем не исключено, что при дальнейшем изучении в их числе будут вычленены и более ранние предметы, синхронные начальному этапу сарматских передвижений. Следует признать, что существующая ныне хронологическая схема

³¹ Виноградов, Щеглов. Образование... С. 361 сл.

³² Яйленко. Ольвия и Боспор... С. 301 сл.

³³ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29; Гуцина И.И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969; Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // ЗКҮӨКА. ПАВ. 1993. № 5; Мордвинцева В.А. Фалары конской упряжи на территории степей Евразии в III в. до н.э.–первой половине II в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

³⁴ Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 36.

³⁵ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 551 сл.; он же. Сарматские и индо-скифские древности. С. 45–46; Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 145 сл.; Мордвинцева. Ук. соч. С. 21 сл.

развития сарматской культуры очень несовершенна³⁶. В этом отношении можно указать на факт наличия фаларов в некоторых наиболее поздних погребальных комплексах «Великой Скифии», – это и знаменитый Александропольский курган в Поднепровье, и не менее знаменитая Большая Близица на азиатской стороне Боспора³⁷. И хотя А.Ю. Алексеев считает, что наличие таких вещей свидетельствует не о появлении новой волны кочевников, а о кратковременной политической ситуации, связанной с дипломатическими контактами Александра Македонского времени его среднеазиатских походов³⁸, эту точку зрения вряд ли можно признать бесспорной. Замечательно, наконец, и то, что в состав одного из кладов – у с. Антиповка Воронежской области, как известно, входил кельтский шлем³⁹. Кельтские шлемы – еще одна из характерных и любопытнейших особенностей культурного облика степей Восточной Европы. За последние годы их датировка в научной литературе изменяется от второй половины I в. до н.э.⁴⁰ до конца III–I в. до н.э.⁴¹ и, наконец, IV–III вв. до н.э.⁴² Последняя датировка наиболее убедительна. Действительно, большинство шлемов относится к типу Монтефортино А и должны датироваться IV–III вв. до н.э.⁴³

Сложнейшая проблема интерпретации этого пласта находок заключается в том, что ранние кельтские шлемы входят в состав более поздних сарматских комплексов (II–I вв. до н.э.). Вряд ли можно признать удовлетворительной точку зрения исследователей, которые объясняют данное несоответствие тем, что шлемы были захвачены сарматами во время походов Митридата VI Евпатора⁴⁴, хотя, в принципе, она вполне может объяснять причину появления в причерноморских степях шлемов более поздних – типа Монтефортино С, но их найдено очень немного. В отношении же основной части находок приходится признать, что сарматы оказались владельцами главным образом тех шлемов, которые были на 100–200 лет древнее этих походов.

Дело здесь, надо думать, не в каком-то странном пристрастии сарматов к старине. Наиболее вероятно, что эти шлемы номады захватили непосредственно у кельтов, когда в Северном Причерноморье (Поднепровье) столкнулись две волны экспансии: с востока – сарматская, с запада – кельтская⁴⁵. Это столкновение, правильнее сказать, – столкновения, привели к тому, что на долгое время Поднепровье стало как бы ничьей землей, не один из претендентов не мог здесь закрепиться. В высшей степени показательным для этого состояния является факт нахождения здесь, в Северо-Западном Причерноморье, отдельных комплексов и кельтов, и прикубанских сарматов, датируемых как раз первой половиной III в. до н.э. В последнем случае имеются в виду находки в погребальных памятниках так называемых «кубанских» удил с весьма своеобразными крестовидными псалями, датируемыми ныне второй–третьей четвертями III в. до н.э.⁴⁶

Основные кочевья и, разумеется, плацдарм нападения номадов на запад в III в. до н.э. находились, как уже отмечалось выше, в областях Подонья и особенно

³⁶ Шукин. Ук. соч. С. 147.

³⁷ Алексеев А.Ю. Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага–Ленинград, 1996. С. 70. Табл. 298.

³⁸ Алексеев. Уникальные украшения... С. 74–75.

³⁹ Гущина И.И. Случайные находки из Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241 сл.

⁴⁰ Шилов В.П. «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 112.

⁴¹ Симоненко. Кельто-италийские шлемы... С. 110 сл.

⁴² Raev B.A. Celtic «yoockey-cap» helmet in the Don area // Raev B.A. Roman imports in the Lower Don basin. BAR. International Series. 278. 1986. P. 85 f.

⁴³ Robinson H.R. The Armour of Imperial Rom. L., 1975. P. 3–17.

⁴⁴ Raev. Op. cit. P. 85 f.; ср. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 124; Шукин. Ук. соч. С. 147.

⁴⁵ Ср. Симоненко. Кельто-италийские шлемы... С. 112.

⁴⁶ Лимерис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 124.

Прикубанья. Здесь в отличие от западных районов жизнь сравнительно быстро стабилизировалась. Именно в Прикубанье, по мнению ряда исследователей, тогда же сформировался и центр одного из крупнейших объединений этих кочевников – так называемый сиракский союз⁴⁷. Весьма показательно резкое возрастание числа обитателей степной зоны Прикубанья. На это прямо указывают результаты сравнительных статистико-комбинаторного и хронологического анализа материалов, согласно которым на последнюю четверть III–II в. до н.э. приходится около половины фонда всех до сих пор учтенных погребальных комплексов воинственных степняков⁴⁸.

Не менее примечательным следствием этого события оказывается и довольно быстрое сложение в Прикубанье – к середине III в. до н.э. во всяком случае – весьма влиятельного сармато-меотского общественно-политического объединения⁴⁹, вызвавшее к жизни, как полагают, и некоторое межэтническое сближение кочевников и земледельцев⁵⁰. Создается впечатление необычайно быстрого, но в принципе вполне понятного в условиях тесного окружения сарматов Прикубанья более высокоразвитыми культурами, развития совершенно определенных социально-экономических тенденций в структуре местного кочевого общества⁵¹, закономерно ведущих к его постепенной стабилизации и утрате той чрезмерной агрессивности, которая обычно бывает свойственнаномадам на стадии завоевания и освоения новых территорий под заселение. Начался новый период относительного замирения степи, приведший тогда же в самых различных частях Северного Причерноморья к постепенному возврату населения к оседлой жизни за пределами сильно укрепленных городов греков⁵².

Такой в общих чертах нам представляется гибель «Великой Скифии» и сложение в Северном Причерноморье новых этнополитических отношений.

Ю.А. Виноградов, К.К. Марченко, Е.Я. Рогов

SARMATIANS AND THE DESTRUCTION OF GREAT SCYTHIA

Yu.A. Vinogradov, K.K. Marchenko, Ye.Ya. Rogov

The article is devoted to the consideration of the whole complex of the events military-political and demographic history of the Northern Black Sea region in the 2nd half of the 4th–1st third of the 3rd c. B.C. which led to a sharp deterioration of Graeco-Barbarian relations in the area. Sudden and nearly simultaneous cessation of the functioning of the overwhelming majority of the stationary rural settlements of the Hellenes and the native population at the end of that period undermined the economic basis of the existence of the local Hellenic cities, thus predetermining rapid growth of crisis phenomena which soon enveloped all major aspects of the vital activity of the Greek states. The analysis of the available information has enabled the authors to conclude that the main, if not the only, reason for the profound destabilization of the situation was the gradual penetration into the Black Sea region of new hordes of nomadic Sarmatians who in the process of their expansion westward destroyed Great Scythia.

⁴⁷ См., например: *Десятчиков. Ук. соч.*; *Ждановский А.М. История племен среднего Прикубанья во II в. до н.э. (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.*

⁴⁸ *Ждановский, Марченко. Ук. соч. С. 42–44; Марченко И.И. Сарматы степей... С. 7–10.*

⁴⁹ *Ждановский, Марченко. Ук. соч. С. 17.*

⁵⁰ *Марченко И.И. Проблемы этнической истории... С. 75.*

⁵¹ См. *Десятчиков. Ук. соч. С. 17.*

⁵² Подробнее об этом см. *Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 72 сл.*